

Е. М. Главацкая
Екатеринбург

**“...И СМЕХОТВОРЕНИЯ, И БЕЗЧИНСТВА НИКАКОГО НЕ
ЧИНИЛИ”: ИЗ ОПЫТА РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕРПИМОСТИ В
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII вв.¹**

*...И они в то время стояли со страхом, вежливо, и без
шапок, и смехотворения, и безчинства никакого не чини-
ли.*

Полное собрание законов Российской империи

Территория Северо-Западной Сибири с самого начала русской колонизации стала местом уникальным с точки зрения этнического состава ее населения. В лесах компактно проживали группы хантов, манси и ненцев, население городов состояло в основном из служилых людей – русских, украинцев, поляков, татар. В начале XVIII в. оно дополнилось ссыльными из западных районов России и военнопленными – “немцами”, “черкасами”, “литвой”, шведами.

С точки зрения религиозного состава население края было не менее пестрым. Ханты, манси и ненцы придерживались традиционных этнических религий, в центре которых было почитание явлений природы, многочисленных духов и богов-покровителей, в честь которых устраивались жертвоприношения на священных местах. Большинство пришлых русских поселенцев-колонистов исповедовало православие, хотя в условиях отдаленности от центра страны, нехватки церквей и священников многие обращались к ритуальной практике местного населения, дополняя ее обрядами и мифологическими образами славянского дохристианского религиозного наследия. Значительно было представлено в крае и старообрядческое население. И хотя точных данных о численности старообрядцев в Северо-Западной Сибири никогда не существовало, косвенным свидетельством того, что их число было действительно внушительным, является частота и размах самосожжений, инициированных

¹ Первоначальный вариант текста был подготовлен для V Сибирского симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири: тюркские народы” (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). В настоящем сборнике печатается исправленный и дополненный вариант.

деятелями раскола в крае в XVII – начале XVIII вв.² Сосланные в Сибирь жители западных районов страны и военнопленные приносили с собой элементы западного христианства: римского католического, греко-католического и различных вариантов протестантизма (прежде всего лютеранства и пиетизма). Наконец, тюркское население, представленное в основном сибирскими татарами и бухарцами, исповедовало ислам суннитского направления.

Христианство в любых его вариантах, как и ислам, – религии миссионерские по своей сути, поэтому неудивительно, что территория Северо-Западной Сибири стала местом активной деятельности миссионеров, что привело к определенным религиозным изменениям в целом ряде районов и еще более усложнило религиозную ситуацию в крае. Разная этническая или религиозная принадлежность могла стать источником острых противоречий и конфликтов в местах совместного проживания представителей различных религиозных традиций. Однако на протяжении всего XVII – начала XVIII вв. таких конфликтов, за редким исключением, удавалось избегать во многом благодаря политике, проводимой правительством в целях регулирования религиозной ситуации в крае.

При характеристике того или иного исторического события необходимо четко обозначить круг используемых терминов, являющихся инструментарием исследования. В области изучения религиозных традиций это особенно важно. Мне уже приходилось писать о феномене языкового погружения исследователя (вплоть до фактического частичного перехода на язык используемого письменного источника), что приводит к неизбежному заимствованию не вполне и не всегда научной, чаще прохристианской, терминологии источника³. Строгий язык научного исследования расцветивается занятой для читателя, но, увы, вырванной из контекста источника, а также времени, места и обстоятельств бытования лексикой. В результате и исследователь, и читатель неизбежно склоняются к мировосприятию создателя источника, например к принятию правомерности и необходимости борьбы с “идолобесием” – верованиями народов Сибири; разрушения “богомерзких капищ” – священных мест; сжигания “бездушных истуканов” и “идолов” – изображений божеств и духов-покровителей. Та же ситуация сложилась и с терминологией, использованной при характеристике распространения ислама в крае и описании отношений между исламом и православием.

² См.: *Пашков А. Т.* Старообрядческие самосожжения на Урале и в Сибири в XVII – начале XVIII вв. // Сургут, Сибирь, Россия. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию города Сургута. Сургут, 22–25 марта 1994 г. Докл. и сообщ. Екатеринбург, 1994. С. 135–167.

³ См.: *Главацкая Е. М.* А были выбор? Аргументы против теории ненасильственного крещения хантов и манси в 1712–1715 гг. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. III. Екатеринбург, 1999. С. 82–103.

В данной статье для наименования верований народов Сибири будут использованы термины “этническая религия” или “религиозная традиция” вместо утвердившихся, но не вполне корректных “язычество” и “идолопоклонство”. К XVII в. религиозные традиции народов Сибири испытали серьезное влияние ислама и христианства, результатом чего явились значительные заимствования, а в некоторых районах почти полный переход к новой религиозной практике, поэтому термин “язычество” не совсем точно отражает реальную ситуацию. Кроме того, религиозные традиции народов Сибири не исчерпывались собственно язычеством, т. е. многобожием. В отличие от других язычников у них был распространен феномен шаманства, специфические представления о душе и живой природе. Таким образом, термин “язычество” выхватывает только одну из характеристик религиозных традиций народов Сибири и абсолютизирует ее. Что касается термина “идолопоклонство”, то он вообще является уничижительным и опять-таки некорректным, поскольку также акцентирует внимание только на одном из внешних аспектов религиозных традиций народов Сибири, упрощает представления о них, не учитывая всего их богатства, разнообразия и глубины⁴. Под религиозной ситуацией понимается сложившаяся обстановка, положение с точки зрения сохранения и развития традиционной и распространения новой религиозной практики, в данном случае прежде всего ислама и христианства.

Религиозная ситуация в Северо-Западной Сибири в XVII – начале XVIII вв. Ислам

...Приглашайте (их) к исповеданию ислама; если они (вашего приглашения) не примут, то учините с ними великую войну за веру.

Шейх хаджа Багау-д-дин

Характеристике религиозных традиций хантов и манси в XVII в. и проблеме распространения среди них христианства посвящен целый ряд работ, поэтому в данной статье мне хотелось бы обратиться к истории распространения ислама среди народов Сибири. Этому вопросу не было уделено достаточного внимания как из-за малого количества источников, так и сложности их интерпретации. В последние годы было опубликовано несколько работ, затрагивающих тему распространения ислама среди народов Сибири, из ко-

⁴ К сожалению, оба термина продолжают использоваться для характеристики религиозных традиций хантов и манси, как и термин “идол” (в кавычках и без них) – для обозначения изображений их божеств. См.: Югория: Энцикл. Ханты-Манс. авт. округа. Т. 1: А–И. Ханты-Мансийск, 2000. С. 360; Т. 3: Р–Я. Ханты-Мансийск, 2000. С. 375; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 84, 239 и др.

торых большая часть написана археологами⁵. Точное время появления ислама на территории Северо-Западной Сибири определить сложно. Возможно, первые попытки распространения ислама были связаны с деятельностью шейхов-миссионеров в бассейне Иртыша в конце XIV в. Один из татарских источников, опубликованный профессором Н. Катановым в 1905 г., сообщает, что в 797 г. по мусульманскому летоисчислению (т. е. между 27 октября 1394 г. и 15 октября 1395 г.) значительная группа суфиев – последователей шейха Багау-д-дина, основателя ордена Накшбендие – была послана им распространять ислам среди народов, живших вдоль Иртыша. “Когда наступило время войны за веру, (последователи) собрались пред святыи очи преподобного ишана (шейха Багау-д-дина. – Е. Г.) ... и стали ожидать, в какую-де сторону последует его высокое указание”. Шейх Багау-д-дин рассказал своим последователям о распространении ислама во времена калифа Али и о том, что некоторые народы, не пожелавшие принять новую веру, бежали и укрылись от него в лесах, по берегам Иртыша. Завершив рассказ, шейх Багау-д-дин, согласно источнику, обратился к ученикам: “Теперь вам – (мое) приказание: приглашайте (их) к исповеданию ислама; если они (вашего приглашения) не примут, то учините с ними великую войну за веру”⁶. Несмотря на то что многие из шейхов погибли во время исполнения этой миссии, о чем свидетельствуют многочисленные астана (мавзолеи), установленные в местах их гибели⁷, ислам все же приняла определенная часть населения бассейна Иртыша и его притоков. Позднее, в середине XVI в., при хане Кучуме ислам стал утверждаться уже в качестве официальной религии сибирских татар. В летописи, составленной дьяком Тобольского архиерейского дома Саввой Есиповым в 1636 г., сообщалось о значительном распространении ислама среди населения Северо-Западной Сибири. Автор указывал, что в бассейнах рек Тура, Тобол и Иртыш проживали “Татаровя”. Это, конечно, не означало, что именно татары проживали на указанной территории, поскольку в XVII и XVIII вв. русские недостаточно хорошо разбирались в этнических особенностях народов Сибири и нередко распространяли этноним “татары” не только на татар и башкир, но и на манси и хантов. Однако в данном случае важно сообщение

⁵ См.: *Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г.* Древняя история Сургутского Приобья // *Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу)*. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002. С. 60–65; *Карачаров К. Г.* Религиозные войны учеников шейха Багау-д-дина против инородцев Западной Сибири // *Тюркские народы. Материалы V Сиб. симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири”* (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2002. С. 184–185.

⁶ Цит. по: *Катанов Н.* О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского Губернского Музея) // *Ежегодник Губернского Тобольского Музея*. Вып. XIV. Тобольск, 1905. С. 18–21.

⁷ Описание мест расположения астана см.: Там же. С. 22–26.

летописца о том, что все они придерживались ислама: “Тотаровя закон Моаметов держат”⁸.

Тесные этнокультурные и экономические контакты хантов и манси с тюркскими народами, прежде всего с сибирскими татарами, и активная миссионерская деятельность исламских проповедников привели к продвижению ислама далее на Север и к определенным изменениям в религиозной ситуации. Например, в рукописи, составленной в первой четверти XVIII в. участником православной миссии в Сибири Григорием Новицким, сообщалось о том, что еще до появления православных миссионеров в некоторые ясачные волости манси и хантов уже успели проникнуть мусульмане. В частности, деятельность мусульманского проповедника в хантыйских Бурейковых юртах привела к тому, что население этих юрт стало исповедовать ислам, и, судя по всему, в поселке уже имелись мечети или подобие минаретов. По словам Г. Новицкого, они “...начаша себе нарыцати бессурманы... и воздвигоша кличи”⁹. Дополнительным косвенным подтверждением влияния ислама в Бурейковых юртах было то, что Григорий Новицкий не упомянул об уничтожении здесь изображений божеств, почитавшихся хантами, когда в 1712 г. миссионеры разрушали священные места на всем пути продвижения миссии от Тобольска до Березова. Возможно, исламские миссионеры, тоже активные борцы с изображениями божеств как проявлением “идолопоклонства”, уже завершили эту работу. Кроме того, ислам, вероятно, настолько утвердился здесь, что население Бурейковых юрт не пустило миссию митрополита Филофея Лещинского и не согласилось выслушать христианскую проповедь ни в 1712 г., ни год спустя. Аналогичная ситуация сложилась и в мансийских Кошутских юртах в бассейне Тавды, также успевших принять ислам. В обоих случаях после вооруженных столкновений из Тобольска были присланы команды служилых людей; князья и наиболее активные участники сопротивления были захвачены в плен. После некоторого времени, проведенного в тюрьме, князья согласились принять крещение, а вслед за ними и значительная часть рядовых ясачных людей¹⁰.

Таким образом, еще до начала активной миссионерской деятельности Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири ислам начал довольно успешно расширять сферу своего влияния среди финно-угорского населения края благодаря как миссионерской деятельности, так и межэтническим контактам.

⁸ Полное собрание Русских летописей. Т. 36: Сибирские Летописи. Ч. 1: Группа Есиновской летописи. М., 1987. С. 45.

⁹ Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком. Новосибирск, 1941. С. 76.

¹⁰ См.: Главацкая Е. М. А были выбор? ... С 99; Новицкий Г. Краткое описание... С. 88–89.

**Православная миссия, власть и ислам
в Северо-Западной Сибири в XVII – начале XVIII вв.**

...Потому, что от мечетей церквам Божиим бывает перешкода¹¹.

Митрополит Филофей Лешинский

Несмотря на то что христианство постепенно находило пути проникновения в среду коренного населения Северо-Западной Сибири, русское правительство всячески сдерживало процесс христианизации в крае вплоть до начала XVIII в. Эта политика объяснялась стремлением сохранить ясачные волости в качестве поставщиков пушнины и не допустить возникновения каких бы то ни было конфликтов, в том числе и на почве различной религиозной принадлежности. Анализ основных аспектов политики правительства в отношении коренных народов края в XVII в. позволяет сделать вывод о том, что в ее основе не было заложено элементов грубого религиозного или этнического угнетения. Вероятно, результатом такой политики было то, что, несмотря на существование большого комплекса противоречий, они обычно не приводили к антирусским восстаниям. Что касается конфликтных ситуаций, то они, безусловно, были, как естественное следствие любой колонизации. Однако, взяв на себя ответственность за регулирование религиозных отношений в крае, русская администрация многое делала для того, чтобы сгладить имевшиеся противоречия и не допустить вооруженных столкновений.

Вместе с тем правительство было заинтересовано в том, чтобы принятие крещения было привлекательным для представителей другой религиозной традиции. Согласно российскому законодательству XVII в., крещеные “татары” имели значительные преимущества в наследовании и сохранении прав на земельные владения перед своими некрещеными родственниками¹². Большое внимание уделялось и наблюдению за тем, чтобы принявшие крещение твердо сохраняли свою приверженность православной вере. Одним из залогов этого было ограничение бытовых контактов, особенно недопущение совместного проживания христиан с представителями других конфессий. Для новокрещеных хантов, манси и татар это означало автоматическое переселение в русские города и изоляцию от общения с соплеменниками, не принявшими христианство. Осложнением при осуществлении этой практи-

¹¹ Перешкода – украинизм, в XVII в. употреблялся в значении “помеха”, “препятствие” (ср. польское “przeszkoda”). См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14: Отрава – Персона. М., 1988. С. 305.

¹² См.: Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Т. 2. СПб., 1825. С. 521–522, 759.

ки могло стать то, что некоторые из новокрещеных находились в состоянии личной несвободы, являясь холопами сибирских татар и бухарцев. Согласно постановлению Соборного Уложения 1647 г., православные не могли находиться в холопстве и проживать у некрещеных. В статье 70, в частности, говорилось: "...и вперед тем православным христианом у иноверных, у некрещеных у иноземцев, во дворах быти не велети, чтоб в том христианским душам осквернения не было и бес покаяния не помирали б"¹³. Для регулирования возможных конфликтов на почве того, что после принятия крещения бывшие холопы должны были покинуть дворы своих хозяев, в 1680 г. был издан специальный указ, подтвержденный вновь в апреле 1685 г. Он предусматривал обязательную компенсацию бывшим хозяевам за счет казны, государственной или церковной, или тех людей (православных), у которых они должны были проживать после крещения, в случае, если новокрещеные были в холопстве у татар или бухарцев. Компенсации следовало выплачивать даже в тех случаях, когда бывшие владельцы не могли предъявить купчую, а обосновывали свои претензии только свидетельскими показаниями¹⁴.

Вероятно, практика выплаты компенсаций бывшим владельцам за утрату холопов, принявших крещение, была достаточно распространена в Тобольске. Доказательством может служить тот факт, что в 1721 г. служилые татары и бухарцы подали коллективное прошение в надворный суд о том, чтобы им вернули деньги за их 12 беглых холопов, принявших православие. Поскольку потерпевшие логично предположили, что у самих беглых таких денег не было, они предложили властям свой вариант выхода из создавшейся ситуации, а именно перепродать беглых новокрещеных русским людям, а вырученные деньги вернуть прежним хозяевам¹⁵. От нового холопства, теперь уже у русских хозяев, новокрещеных спасло только то, что в их судьбе принял активное участие схимонах Феодор – бывший митрополит Филофей Лещинский, осуществивший массовое крещение народов Сибири. Он лично обратился в Синод и к Петру I, и в результате этого заступничества приговор надворного суда о продаже новокрещеных татар был отменен¹⁶.

Известно, что факт крещения освобождал от ответственности за совершенные ранее преступления, и, вероятно, были случаи, когда крещение

¹³ Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов. М., 1985. С. 221.

¹⁴ См.: ПСЗ. Т. 2. С. 662.

¹⁵ См.: ТФГАТО. Ф. 156. Оп. 1. 1752 г. № 56. Л. 24–27 об.

¹⁶ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 2. 1722 г. № 157; Оп. 5. 1724 г. № 253; *Акиншин М. О.* Письма и бумаги Филофея Лещинского в архиве Тобольской Консистории // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: Исторический опыт и современность. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Март, 1995 г. Тобольск, 1995. С. 7.

принималось с целью избежать наказания. Поэтому царским указом 1685 г. тобольскому воеводе князю Петру Прозоровскому предписывалось в случаях, если прежними хозяевами новокрещеных были бы поданы челобитные о грабеже, проводить расследование и возвращать им награбленное, “чтоб им от тех новокрещенов разорения ни кому никакого не было”. Необходимость этих мер обосновывалась в указе интересами государственной важности: “...для того, что Сибирь – государство дальнее и состоит меж бусурманских и иных вер многих земель, чтоб тем тобольских татар и бухарцов и иных земель приезжих иноземцов не ожесточить, и от государственной милости их не отгонять, и Сибирскому государству какого повреждения не учинить”¹⁷. Таким образом, интересы сохранения мира и стабильности государства ставились выше задач расширения границ христианского влияния.

Вероятно, суровые условия Сибирского Севера сближали людей настолько, что они не всегда заботились о своих этнических или религиозных различиях, особенно в кризисных ситуациях. Например, после очередного пожара в Тобольске русские погорельцы, жившие на горе, вынуждены были искать приюта в татарском поселке под горой, не поврежденном пожаром. Совместное проживание русских и татар беспокоило тобольских митрополитов, о чем еще в 1643 г. в Москву была послана челобитная, в которой описывались обстоятельства проживания русских православных и татар-мусульман: “Тобольского города всяких чинов жилецкие люди для своего покоя покупали в татарских юртах, что в Тобольску под горою татарские юрты и ожилися и живут с татарами вместе, где живут два татарина дворами, а меж ними живет православный христианин, а где живут в тех же татарских юртах дворами два христианина, и меж ними живет татарин”. Далее в челобитной сообщалось о том, что русские жители в условиях совместного проживания с представителями ислама подвергались серьезным соблазнам и переставали соблюдать основные требования православной веры: “...православные христиане живучи в татарских юртах скверняца, пьют и едят из одних судов и в пост с ними упиваются, и с татарками живут блудно и детей приживают беззаконством, а татарове с их христианскими женами живут тож блудно и детей приживают”. Митрополит просил велеть “тех православных христиан... ис татарских юрт вывести вон... и под дворы давать места”¹⁸. Однако осуществить это на практике было сложно: люди не хотели уходить с обжитых мест, и, очевидно, соседство с татарами-мусульманами несколько их не смущало. Практика совместного проживания продолжала существовать, поэтому церковные власти вновь и вновь возвращались к этому вопросу, тре-

¹⁷ ПСЗ. Т. 2. С. 662.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 400. Л. 130.

буя от светских властей развести православных и мусульман по разным местам. Однако Москва не шла навстречу этим требованиям, справедливо опасаясь возмущения жителей Тобольска. В именном указе 1685 г. говорилось: "...а которые иноземцы живут под горою в Тобольску и в иных местах меж русскими людьми: и тем иноземцом указали великие государи жить в тех же местах, по прежнему, а на Панин бугор их не переводить, чтоб им от того лишней тягости и разорения не было". Вместе с тем мусульмане предупреждались о недопустимости попыток распространения исламских традиций среди крещеного населения: "...тех новокрещенцев, которые крестятся в православную христианскую веру, они... в свою бусурманскую веру не прельщали, яствою и питьем их не оскверняли"¹⁹. Таким образом, государство в очередной раз поставило благополучие людей и стремление сохранить стабильность в сфере межрелигиозных отношений приоритетным направлением своей политики в крае.

Служители церкви не без основания были серьезно обеспокоены близким соседством с многочисленной мусульманской общиной. Особенно много неприятностей случалось, когда православные отправлялись на крестный ход и на водоосвящение в праздник Крещения. Вероятно, вид процессии с иконами и хоругвями, спускающейся к реке на водоосвящение и поднимающейся по крутому скользкому склону горы, вызывал большое оживление у некрещеных жителей Тобольского посада, что, без сомнения, обижало православных. В ответ на просьбу митрополита защитить паству от оскорблений и насмешек зевак из Москвы прислали указ собрать в приказной избе тобольских татар и бухарцев и передать им царский указ вести себя прилично и уважительно по отношению к религиозным чувствам и традициям русских: "...чтоб они, живучи на старых своих местах меж русскими людьми, близко церковей Божиих, во время Божественного пения, не кричали, и безчинства никакого не чинили... а как бывает в Тобольску шествие со святыми иконы на водосвящение и прилучится идти с теми святыми, теми местами, где они, иноземцы, живут, а они будут на улицах против тех своих дворов, и они б в то время стояли со страхом, вежливо, и без шапок, и смехотворения, и безчинства никакого не чинили"²⁰. За ослушание и смех нарушителям грозила опала и казнь.

Начало XVIII в. знаменовалось изменением политики правительства в отношении религиозных традиций населения края и, в целом, религиозной ситуации. Была организована миссионерская кампания под руководством митрополита Филофея Лещинского с целью распространения православия среди народов Северо-Западной Сибири. Митрополит хорошо понимал, что

¹⁹ ПСЗ. Т. 2. С. 662.

²⁰ Там же. С. 663.

его миссия должна была постоянно конкурировать с миссией мусульман и иметь дело не только с религиозными традициями хантов и манси, но и с элементами ислама, уже пустившего корни в их среде. Прибыв в Тобольск в 1702 г., он сразу осознал, сколь много ему предстоит сделать на Сибирской земле для распространения христианства и с какими трудностями придется столкнуться. В одной из своих челобитных на имя царя он описал проблемы Сибирской епархии и изложил свои предложения по улучшению ситуации в 25 статьях. Челобитная эта, к сожалению, не сохранилась, но ее основные положения могут быть восстановлены благодаря общей практике отечественного делопроизводства XVII–XVIII вв. повторять в указах тексты челобитных, в ответ на которые они составлялись. Вероятно, митрополит Филофей Лещинский серьезно задумывался над тем, чтобы не только не допустить проникновения ислама в среду нетюркских народов, но и попытаться распространить православие среди мусульман. В частности, в статье 7 он просил Петра I подготовить указ, “...чтоб в Тобольску мечетем татарским между церквами Божиими и житию их татарскому с христианы не быть, потому, что от мечетев церквам Божиим бывает перешкода...”²¹. Однако это предложение не получило поддержки. Население Тобольска продолжало жить в условиях пестрой этнорелигиозной ситуации, вырабатывая свой опыт мирного сосуществования и взаимодействия.

Роль государства в регулировании межэтнических и межконфессиональных отношений невероятно велика. Предпочтение одной из конфессий неизбежно привело бы к конфликтам или ситуациям, катализирующим конфликты. Возможно, именно активная миссионерская деятельность Русской православной церкви и ее поддержка правительством в ущерб другим религиозным традициям в более поздний период привели к страху перед принудительным крещением, распространению слухов о готовящейся насильственной христианизации среди различных народов России во второй половине XVIII в. и, как следствие, антирусским выступлениям.

²¹ Цит. по: Сулоцкий А. Челобитная митрополита Сибирского и Тобольского, Филофея Лещинского Петру Великому и ответ сего государя на нее. Омск, 1863.